

ВРАТА ВЕЧНОСТИ: АИРИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОРФЕЙ МЕНДЕСС

Орфей Мендесс

Айрин

«Автор»

2026

Мендесс О.

Айрин / О. Мендесс — «Автор», 2026

Айрин - человек совершивший свое открытие, учёный не ставший первым, но целеустремлённый и негорделивый, ведь, что главное для успешного ученого? Правильно лишь научный поиск, путь только вперёд! Погрузитесь в историю одного из важнейших персонажей вселенной "Врата вечности". Данная повесть - один из приквелов к первому тому "Холодных огней свободы" рекомендую читать роман уже после прочтения этой повести.

© Мендесс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть	5
—	9
—	12
—	13
—	14
—	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Орфей Мендесс

Айрин

Повесть

Девушка бежала стремглав по белым, выхолощенным коридорам Бюро Исторической Континуальности. А в голове проносились мысли одна за другой.

«Поняла! Я теперь уверена. Твёрдо уверена.»

Она бежала от места раскопок к кабинету Танаки и Нэша — у них был один кабинет и мастерская на двоих. «Я должна им рассказать. Надо рассказать.»

На повороте она столкнулась с двумя женщинами из отдела истории. Стопки документов брызнули в стороны веером.

— Простите! Я должна бежать! — только и крикнула Айрин через плечо, исчезая за поворотом.

«Эта находка изменит всё. Абсолютно всё!» — продолжался бег в её разуме параллельно бегу ног.

Она остановилась у двери. На табличке значилось: «Инженерная мастерская. Лео Танака и Элиас Нэш. Служба исторической континуальности.»

Их столы стояли друг против друга, по левую и правую сторону от входа, и были завалены кипами бумаг, прототипами каких-то небольших устройств — всё-таки они инженеры-изобретатели. Их обычный диалог, насколько Айрин успела заметить за три недели знакомства, заключался в одном: зачем их обоих пригласили сюда работать в один день три месяца назад? И до сих пор они не получили реального назначения. Только в последние пару недель их подключили к работе Айрин Векслер — взбалмошной и, как им казалось, какой-то нервной девушки. Она им обоим нравилась, но отвергала всяческие ухаживания с той лёгкостью, с какой воздух выходит из вакуумного шлюза.

— Ребята, вы тут? — врываясь в кабинет, спросила она. — А в мастерскую можно?

— Почему нельзя? — отозвался Лео.

Он был черноволосый и высокий азиат, наверное по происхождению японец. Но кто сейчас мог сказать, кто какой национальности? Теперь не было наций — остались лишь культуры в едином планетарном государстве под властью корпоратократии.

— Проходи, проходи, — добавил он вдогонку.

Айрин прошла мимо их столов к окну, выходящему во внутренний двор комплекса, где темнели какие-то древние строения. Слева от окна была ещё одна дверь — второе помещение их кабинета. Она упала в стоявшее в углу кресло у стены. Смежной с кабинетом была мастерская: массивный металлический стол, уже тронутый патиной, на столе — разбросанные чертежи. На меловой доске над столом — уравнения и схемы. Поверх бумаг в полнейшем хаосе валялись инструменты и всякая мелочёвка, обычная в обиходе у инженеров — да ещё двоих, да ещё скучающих. Рядом со столом — два металлических стула, а напротив, у другой стены, стоял диван, явно списанный в утиль. Он выбивался из общей картины — видимо, раньше стоял в кабинете какого-нибудь важного начальника, пока тот не поставил себе новый. Лео и Элиас сдружились с кладовщиком Томом — видимо, он им его и подогнал. У дальней стены, граничащей с коридором, высился стеллаж с пронумерованными ящиками, набитыми таким же непонятно для чего предназначенным барахлом.

— Парни, вы идёте? — нетерпеливо спросила Айрин.

— Да, да, сейчас, — донёсся из соседней комнаты голос Нэша.

— Чайник поставь, — сказал Танака, не поднимая головы.

— Ишь чего удумал, начальницей своей командует, — пробормотала Айрин, но всё-таки встала и подошла к верстаку, где стоял электрический чайник.

«Удивительный анахронизм. Как, пожалуй, и весь этот кабинет. Уже прошли века, а такие чайники всё ещё в ходу. Интересно, сколько ещё технологий мы тащим за собой из прошлого, сами не понимая зачем? И сколько из них — ключи к чему-то большему, что мы просто разучились видеть?»

— Ты на нас не сердись, мы по-дружески, — сказал Нэш, и они оба вошли в комнату, усаживаясь на свои неудобные металлические стулья.

— На, держи, — протягивая кружку с растворимым дешёвым синт-кофе, сказала Айрин, обращаясь к Танаке. — И ты вот держи кофе. И себе я сделаю... и расскажу вам всё. Сейчас, сейчас.

Она ещё пару минут возилась, но села обратно в кресло не с синт-кофе, а с простой водой. В последнее время она старалась пить меньше кофеина — и без того мысли скакали как обезумевшие.

— Ну так что там у тебя? — спросил Танака.

Айрин сделала глоток воды, собираясь с мыслями. С чего начать? С того, что три года её жизни здесь были сплошным туманом? С того, что она чувствовала себя пешкой в чужой игре? Или с того, что сегодня она наконец увидела доску целиком?

— В общем, слушайте. Мы уже три года копаемся тут. Я как в Бюро устроилась — так меня сюда и направили. Никто ничего не объяснял. И я до сегодняшнего дня не понимала — от слова совсем — что мы тут вообще делаем. Вот вы, парни, понимаете, чем мы занимаемся? В чём суть Бюро?

— Неа, — почти в унисон ответили оба и рассмеялись.

— Честно говоря, нам и всё равно, — закончил Нэш, откидываясь на спинку стула. — Платят неплохо. А работа не пыльная.

— Вот именно, — Айрин подалась вперёд. — И сегодня я снова занималась маркировкой бланков и оцифровкой «наиболее интересных рапортов». И мне на глаза много чего интересного попало.

— Ну-ну, и что там? — заинтересованно спросил Танака, отставляя кружку.

— Так вот. Я же и рассказываю. Слушай! Слушай внимательно, тебе говорят! Ну хватит уже сербать так громко! — она погрозила пальцем, но без злости. — Короче. Тут вообще мало кто в действительности понимает, что он делает. Только, наверное, начальство. Этот... Арго Рейс. Слышали о нём? А он — наш начальник, оказывается! Мы здесь работаем на орден.

— Да ты что? — переглянулись друзья.

— Ну так и что дальше?

— На какой орден мы работаем?

— Формально — не орден. Бюро числится как гражданское учреждение при Совете ОЗФ. Но фактически... — она понизила голос, хотя в кабинете никого, кроме них, не было, — фактически мы работаем на Орден Криосоздателей.

— Чего? — Лео присвистнул. — Этих... монахов ото льда?

— Именно. Бюро Исторической Континуальности — это их «дочерняя структура». Прикрытие. Официально мы систематизируем документы времён Великой войны и Пепельного века. А неофициально... — она запнулась, подбирая слова.

Нэш нахмурился:

— погоди. Криосоздатели — они же вроде религиозный орден? Хранят криокамеры, будят спящих, ведут Летопись. При чём тут мы? И при чём тут история?

— А вот тут самое интересное, — Айрин поставила кружку на пол и подалась вперёд, опираясь локтями о колени. — «Континуальность». Вы знаете, что это слово значит?

— Непрерывность, — пожал плечами Танака. — В математике — свойство функции. В физике — сплошность среды.

— Верно. А теперь подумайте: историческая непрерывность. Чего именно? — она обвела взглядом их лица. — Орден Криосоздателей владеет монополией на криосон. Они будят людей, которые спали по двести, триста, пятьсот лет. Людей из другого времени. Из другого мира. И что происходит, когда такой «воскресший» открывает глаза?

— Он офигевает, — хмыкнул Лео.

— Именно. Он просыпается в реальности, которую не узнаёт. Его язык — архаичен. Его знания — устарели или, наоборот, бесценны. Его психика... — она щёлкнула пальцами, — ...трещит по швам. А теперь представь, что таких людей — тысячи. И каждому нужно помочь адаптироваться. Вписать его в новую реальность так, чтобы разрыв между прошлым и настоящим не убил его личность.

Нэш медленно кивнул, в его глазах зажглось понимание:

— И для этого нужно знать прошлое. Не просто даты и события, а — как люди мыслили. Как чувствовали. Как говорили. Какие у них были табу, страхи, надежды...

— Именно! — Айрин хлопнула ладонью по подлокотнику. — Мы не просто храним документы. Мы создаём мосты. Мы делаем так, чтобы «воскресший» из XXI века мог понять мир XXX века. Мы — переводчики между эпохами.

— Красиво звучит, — задумчиво протянул Танака. — Но есть одна проблема.

— Какая?

— Ты — биолог-кибернетик. Нэш — физик. Я — инженер. На хрена историческому бюро три специалиста точных наук?

Айрин улыбнулась — впервые за весь разговор не нервно, а почти торжествующе.

— А вот это, Лео, и есть главный вопрос. Почему среди архивариусов и лингвистов оказались мы трое?

Она поднялась и подошла к окну, за которым темнели очертания древнего строения.

— Я думала над этим три года. Перебирала варианты, один безумнее другого. И сегодня, когда я копалась в архивах, я нашла вот что.

Она вытащила из кармана комбинезона старый инфо-кристалл — потёртый, с царапинами на корпусе.

— Это отчёт об исследовании, датированный 2891 годом. С грифом «Экспериментальная медицина. Уровень допуска — Адмирал». Там описаны опыты по использованию экзотической материи для регенерации нейронных связей. Для лечения болезни Альцгеймера. Рака. Старения.

Она повертела кристалл в пальцах, и свет аварийной лампы скользнул по его граням.

— Я написала свою диссертацию на ту же тему пять лет назад. Думала, что я первая. Думала, что это — мой прорыв, моя идея. А оказалось... — она горько усмехнулась, — ...оказалось, что кто-то уже делал это за сто лет до меня. И результаты у них были... многообещающие.

— И что с ними стало? — тихо спросил Нэш.

— Ничего. Исследование закрыли. Автора — фамилия вымарана — отстранили. Все образцы и чертежи отправили в архив под грифом «не подлежит восстановлению». — она сжала кристалл в кулаке. — Понимаете? Кто-то нашёл способ лечить то, что мы считали неизлечимым. Используя материю, которой вообще не должно быть в нашем мире. И этот кто-то — или эти кто-то — решили, что человечество к этому не готово. Спрятали знание. Закопали его в архиве Бюро, где никто не додумается искать.

— А мы додумались, — медленно произнёс Танака.

— А мы додумались, — эхом отозвалась Айрин. — И теперь я не могу отделаться от мысли, что нас троих собрали здесь не случайно. Что мы — не просто архивариусы. Мы — те, кто должен найти то, что спрятано. И решить: что с этим делать.

Она перевела взгляд с одного на другого.

— Вы знаете, что там, за вашим окном? — она кивнула в сторону внутреннего двора. — Я сегодня ходила смотреть. Это не «древнее строение». Это криокамера. Старая, ещё довоенной постройки. Герметично запечатанная. С действующей системой охлаждения.

Она сделала паузу, давая словам осесть в тишине мастерской.

— Там кто-то спит. Уже больше семисот лет. И я думаю... я почти уверена... что этот кто-то — и есть ключ ко всему.

Они шли по коридору, который, казалось, вёл в самое сердце Бюро — туда, где рядовым сотрудникам появляться не полагалось. Айрин уже сбилась со счёта, сколько раз они свернули. Белые стены сменились серыми, потом тёмно-синими, потом — бронированными плитами с едва заметной маркировкой: «Уровень допуска: Кардинал и выше».

Танака шагал справа, заложив руки за спину, и делал вид, что ему всё равно. Но пальцы его нервно отбивали ритм по запястью. Нэш слева — наоборот, смотрел по сторонам с жадным любопытством физика, дорвавшегося до запретных приборов.

— Мистер Рейс, — нарушил тишину Танака, — а далеко ещё? А то у меня синт-кофе в желудке закипает от волнения, и если я не...

— Пришли, — оборвал его Арго Рейс, останавливаясь перед массивной дверью без опознавательных знаков. — Прошу.

Дверь открылась бесшумно.

Кабинет Арго Рейса не был кабинетом в привычном смысле. Это была **библиотека**, залитая тёплым, янтарным светом. Настоящие бумажные книги — Айрин ахнула про себя — теснились на стеллажах от пола до потолка. Воздух пах старой бумагой, пылью веков и чем-то ещё — едва уловимым ароматом озона и... фиалок? В центре комнаты стоял дубовый стол, массивный, резной, явно ручной работы. Таких она не видела никогда.

— Садитесь, — Рейс указал на три стула перед столом. Сам он обошёл стол и опустился в кожаное кресло, которое скрипнуло под его весом.

Айрин села. Танака и Нэш — следом. Тишина затянулась на несколько секунд — ровно настолько, чтобы стало неудобно.

— Вы нашли отчёт 2891 года, доктор Векслер, — начал Рейс, и его голос утратил налёт бюрократической вежливости. В нём проступила сталь. — И вы правильно поняли его значение. Но вы поняли лишь часть.

Он положил ладони на стол и посмотрел на каждого из них по очереди — долгим, немигающим взглядом.

— Бюро Исторической Континуальности — не просто архивная служба. Мы — тихая память человечества. Мы восстанавливаем то, что было намеренно стёрто. Мы ищем то, что было спрятано. Мы заполняем пробелы. Все пробелы. Начиная с Пепельного века — и заканчивая тем, что было до. Гораздо до.

Айрин почувствовала, как мурашки побежали по спине.

— До — это...

— До Великой войны 2049-го. До Третьей мировой. До того, как человечество едва не стёрло себя с лица планеты. И даже до того, как человечество появилось на ней.

— Вы шутите, — выдохнул Нэш.

— Я никогда не шучу, доктор Нэш. Особенно когда речь идёт о семисотлетней тайне, которая лежит прямо под нами, в бункере, прорытом в 2045 году, за три года до того, как мир сошёл с ума.

Танака присвистнул. Нэш открыл рот и забыл его закрыть. Айрин вцепилась пальцами в подлокотники кресла.

— Под нами? — переспросила она. — Та криокамера во дворе...

— Да. Та криокамера, доктор Векслер. — Рейс выдержал паузу, словно взвешивая каждое следующее слово. — Там спит человек, который заснул 587 лет назад. В 2410 году. Когда Земля уде оправилась от последствий Пепельного века. Но уже началась 300 летняя война.

— 2410-й, — медленно повторил Танака, и в его голосе впервые не было насмешки. — Это же...

— Это время, когда Арно Эйзенберг, будущий Атмос, только начинал свою карьеру, — закончил за него Рейс. — Это время, когда проект «Атлантис» — первый плавучий город на Юпитере — ещё только зарождался в чертежах. Это время, когда двое гениев — биолог Йенс Харвей и математик Арно Эйзенберг — только начинали работать вместе над генетической программой, которая изменит ход истории.

— Харвей, — прошептала Айрин, и имя это отозвалось у неё в груди странным холодом. — Йенс Харвей. Я встречала это имя... в том отчёте. Он подписан неразборчиво, но...

— Вы правы. — Рейс наклонился вперёд, и свет лампы упал на его лицо, делая его черты резче, старше. — Исследование 2891 года, которое вы нашли — оно основано на ранних работах Харвея. Того самого Харвея, который официально числится погибшим в 2390 году во время операции «Чистка» — когда Атмос зачищал свидетелей своего восхождения.

— Погибшим? — переспросил Нэш, и в его голосе зазвенело напряжение. — Что значит «официально»?

Рейс посмотрел на него долгим взглядом.

— Это значит, доктор Нэш, что в списке ликвидации, изъятом из архивов «Ока Пустоты», напротив фамилии «Харвей, Й.» стоит пометка: «Устранён. Имитация сердечной недостаточности. Станция Ганимед-3». — Он помолчал. — Но отчёты о кремации отсутствуют. Тело не найдено. А через двадцать лет после «смерти» — в 2410 году — кто-то, используя коды доступа Харвея, проник в старый довоенный архив на Земле.

— И что он там взял? — тихо спросила Айрин.

— Ничего. — Рейс развёл руками. — Он оставил. Схемы. Расчёты. И подробное описание того, как использовать экзотическую материю для регенерации нейронных связей. Те самые, что вы читали, доктор Векслер. Только в 2410 году они были засекречены на два уровня выше.

Тишина повисла в кабинете, густая и тяжёлая.

— Пойдите, — медленно произнёс Танака. — Если Харвей не умер... если он сбежал... то где он? И при чём тут криокамера под нами?

Рейс откинулся в кресле. Свет погас в его глазах, и лицо на мгновение стало просто лицом усталого человека, несущего груз, который никто не должен нести в одиночку.

— Примерно тогда же, в 2410-м, в бункере «Конго-1» — довоенном убежище, построенном в 2045 году в горной гряде на территории бывшей Демократической Республики Конго — был обнаружен новый постоялец. Он прибыл туда на старом, дотерраформингом челноке, сел в кресло медкапсулы и ввёл себе крио-коктейль, который собирал по крупицам двадцать лет. Капсула запечаталась. И больше не открывалась.

— Сколько там человек? — спросила Айрин, хотя уже знала ответ.

— Один. — Рейс встретил её взгляд. — Генетический маркер совпадает с образцами, извлечёнными из старых медицинских карт проекта «Газовые гиганты». Это Йенс Харвей. Живой. Замороженный. С ключом к технологии, которую мы до сих пор не можем воспроизвести.

— И вы хотите сказать... — начала Айрин, но договорить не успела.

Где-то в глубине комплекса взвыла сирена. Пронзительная, низкая — не учебная, не ложная тревога. То был сигнал, который никто из них никогда не слышал, но каждый узнал инстинктивно: «Код Чёрный. Нарушение периметра.»

Рейс вскочил с кресла с неожиданной для его возраста скоростью. Его лицо, за секунду до этого расслабленное, превратилось в маску стали.

— Он очнулся, — выдохнул он.

— Кто? — в один голос спросили Танака и Нэш.

— Харвей. — Айрин поднялась, не чувствуя собственных ног. — Криокамера — это не просто хранилище. Это был таймер. И он только что сработал.

Рейс уже был на выходе из кабинета, но обернулся на пороге.

— Идёмте. — В его голосе не было приглашения. Был приказ. — Вы хотели знать, зачем вы здесь. Сейчас я вам покажу.

—

Они бежали по коридорам, которые вели вниз. Сначала на лифте — пять этажей. Потом по узкой винтовой лестнице — ещё три пролёта. Потом через герметичную дверь с маркировкой «Бункер-1. Доступ: только по биометрическому коду Адмирала».

Воздух здесь был холодным и спёртым. Пахло бетоном, ржавчиной и чем-то сладковатым — Айрин опознала запах криогенных жидкостей. Стены сменились голым, неотделанным камнем, укреплённым стальными балками довоеннойковки.

Сирена стихла. В наступившей тишине было слышно только их дыхание и мерный гул — низкий, вибрирующий, проникающий в самое нутро.

— Он уже не в камере, — бросил Рейс на ходу. — Пульс регистрируется в лаборатории смежного сектора. Он... он ждёт нас.

Последняя дверь. Массивная, круглая, как крышка сейфа, с ручным штурвалом посередине.

Рейс остановился. Повернулся к ним.

— То, что вы сейчас увидите — не подлежит разглашению. Ни подписками, ни протоколами. Только устное обещание, скреплённое вашим словом. — Он перевёл дыхание. — Вы готовы?

Танака и Нэш переглянулись.

Айрин шагнула вперёд и положила ладонь на холодный металл двери.

— Я готова, — сказала она, и в её голосе не было страха. Только жажда. Та самая, что вела её три года через пыльные архивы, через бессонные ночи, через стены непонимания. — Открывай.

Рейс крутанул штурвал. Механизмы заскрежетали, застонали, и дверь медленно, тяжело поползла в сторону, открывая проём, из которого хлынул свет.

Они вошли.

—

За дверью оказалась лаборатория. Но не та стерильная, какой её представляла Айрин. Это была живая лаборатория — действующая, гудящая системами жизнеобеспечения, мерцающая голографическими панелями. В центре, на металлической платформе, стояла криокамера — открытая, пустая, с прозрачной крышкой, откинутой в сторону. Ледяной туман всё ещё клубился вокруг неё, стекая на пол и рассеиваясь у ног вошедших.

В кресле у терминала, спиной к ним, сидел человек.

Он был худ — так, что сквозь тонкую белую рубашку проступали очертания лопаток. Кожа — бледная, почти прозрачная, как у человека, который не видел солнца семь столетий. Но плечи его были расправлены, спина прямой, а руки — руки лежали на клавиатуре с уверенностью музыканта, возвращающегося к инструменту после долгой паузы.

— Доктор Харвей, — произнёс Рейс, и в его голосе смешались почтение и напряжение. — Вы нас опередили.

Человек в кресле медленно повернулся.

Его лицо было старым — не морщинистым, нет, а тем старческим, которое определяется не кожей, а взглядом. Глаза у него были синие. Такого глубокого, пронзительного синего цвета, какой бывает только у льда, подсвеченного изнутри. В них плескалась бездна, и Айрин поняла, что смотрит на человека, который видел такое, что не снилось ни одному учебнику истории.

— Доктор Рейс, — голос у него был хриплым, с лёгким металлическим отзвуком — след долгого сна и осевших в лёгких криочастиц. — Я слышал, у вас появилась новая команда.

Его взгляд скользнул по Танаке, по Нэшу — и остановился на Айрин.

— А вы, юная леди, — он чуть наклонил голову, и на его губах мелькнула тень улыбки, — должно быть, та самая биолог-кибернетик, которая нашла мой старый отчёт. Я угадал?

Айрин не сразу нашла голос. Она смотрела на живую легенду — человека, которого Атмос считал мёртвым, человека, который спрятал «спящий ген свободы» в ДНК целой расы, человека, который проспал семь столетий, чтобы проснуться в момент, когда его знания стали нужнее всего.

— Угадали, — ответила она наконец. — Но у меня есть вопросы. Много вопросов.

Харвей усмехнулся — и в этой усмешке было что-то мальчишеское, несмотря на древность его глаз.

— У тебя вся жизнь, чтобы их задать, доктор Векслер. — Он поднялся, и Айрин увидела, что он выше, чем казался со спины. — Вся жизнь, которая у нас осталась. А времени, если верить моим расчётам, у нас катастрофически мало.

Он шагнул в центр комнаты — и свет упал на его грудь, где под полупрозрачной кожей пульсировал едва заметный фиолетовый отблеск.

Тот самый, который Айрин видела только на одной схеме — в отчёте 2891 года, под грифом «Экспериментальная медицина. Экзотическая материя. Уровень: Адмирал».

Харвей вживил её в себя. Он нёс её в собственном теле.

И только сейчас Айрин поняла: он не просто проснулся. Он закончил то, что начал.

—

В наступившей тишине Харвей посмотрел на них троих — молодых учёных, застывших на пороге его пробуждения — и произнёс:

— Знаете, чем отличается настоящая история от той, что нам рассказывают? Тем, что настоящую можно похоронить. Но нельзя уничтожить. Она всегда найдёт способ воскреснуть. — Он поднял руку, и фиолетовый отблеск пробежал по его пальцам. — И иногда для этого ей нужны те, кто умеет читать между строк.

Его взгляд остановился на Айрин.

— Вы зачем-то здесь, доктор Векслер. Все трое. Я не верю в совпадения. И если вы готовы узнать правду — той ценой, которую она потребует... — он протянул ей руку, — ...то нам пора поговорить, как мы будем её искать.

Айрин посмотрела на его руку. Потом на Танаку и Нэша — те стояли по обе стороны от неё, и в их глазах читалось одно и то же: «Мы с тобой».

Она шагнула вперёд и пожала протянутую ладонь.

В тот момент она ещё не знала, что этот жест запустит цепь событий, которые приведут её к Поясу Койпера, к Вратам, к безумному гению Орфею Мендесу и к финалу, где ей придётся выбирать — стать якорем или сгореть вместе со всем, что она успела полюбить.

Но это будет потом.

А пока — она пожала руку человеку, который проспал семь столетий, чтобы разбудить правду. И правда эта только начинала говорить.

— Но откуда он всех нас знает? — спросила Айрин, когда все четверо вышли в соседнюю комнату переодеться. Она стянула с себя верхний комбинезон, бросила его на кушетку и потянулась за белым халатом.

— А вот откуда, — ответил Рейс, не глядя на неё. Он возился с застёжкой рукава, потом резко дёрнул ткань. — Меня он знает лично. Я работал с ним семь лет, с 2377-го. А потом я лёг в камеру, а он присоединился к проекту «Атлантис». Если точнее — к «Человеку в небесах». — Рейс поднял голову, и в его глазах мелькнул холодный блеск. — Я тоже марсианин. Родился на заре Республики. Был из тех, кто в 2330-х начал восстание на Марсе... и из-за кого потом длилась трёхсотлетняя война.

— О мой бог! — выдохнули Лео и Элиас почти одновременно. Лео даже замер с наполовину надетым халатом, рукав повис, как белое крыло.

— Что мы будем сейчас делать? — спросила Айрин, застёгивая пуговицы. Она чувствовала, как под пальцами дрожит тонкая ткань.

— Заканчивать очень важное дело, начатое Харвеем очень и очень давно. — Рейс поправил воротник, словно собирался на парад. — Ещё тогда он запустил... Впрочем, не важно. Вы скоро сами всё поймёте.

Они вернулись в лабораторию — уже в белых халатах, пахнущих озоном и сухим антисептиком. Харвей сидел за терминалом, не оборачиваясь. Его пальцы бегали по голографической клавиатуре, оставляя в воздухе светящиеся шлейфы.

— Так что мы делаем? — спросил Танака, остановившись у порога. Он не стал подходить ближе, скрестил руки на груди.

— Вы? — Харвей откинулся в кресле, повернулся, и в его глазах сверкнула усмешка. — Надеюсь, мне помогаете.

— Что значит «надеетесь»? — Танака не сдвинулся с места. Он смотрел на Харвея пристально, как на бомбу с часовым механизмом.

— То и значит. — Харвей поднялся, подошёл к Танаке вплотную, остановился в полшаге. — Вы ведь физик? Садитесь, садитесь за тот терминал, — он махнул рукой в сторону пустующего стола с потухшим голодисплеем, — и принимайтесь за расчёт координат.

— Каких координат? Вы о чём? — Танака переступил с ноги на ногу, но не сел. В его голосе зазвенело раздражение.

— Ну как каких? Как каких? — Харвей всплеснул руками, словно разгонял невидимых мух. — Координат зондов континуальности, конечно!

— Да что вы такое несёте, мать вашу? — не выдержал Нэш. Он стоял у стеллажа и машинально перебирал кристаллы памяти, пощёлкивая ими, как чётками.

— А, Элиас, — Харвей резко обернулся к нему, — вы ещё тут. Кстати, как там у вашей матушки здоровье? — Нэш вздрогнул, разжал пальцы, и один кристалл со звоном упал на пол. — Впрочем, неважно. Ничего уже не важно, если мы не успеем. У вас с математикой как? — Харвей наклонил голову, глядя на Нэша снизу вверх, будто ребёнок, выпрашивающий конфету.

— Да нормально вроде... — пробормотал Нэш, нагибаясь за кристаллом. Его пальцы дрожали.

— Так занимайте терминал и принимайтесь считать!

— Да что же считать, м? — Нэш выпрямился, но к столу не пошёл.

— То же, что и Танака. Координаты. Нам нужно понять, выстроились ли зонды в нужную трёхмерную фигуру.

— Так. — Айрин шагнула вперёд, встала между Харвеем и парнями. — Никто никуда не садится. — Она говорила спокойно, но в голосе уже звенел металл. — Эти двое под моим

началом. Им нужно понимать, что они делают, — она обвела взглядом Лео и Элиаса, потом снова уставилась на Харвея.

— Так они всё понимают, — Харвей обернулся к ним, развёл руки в стороны, словно приглашая к объятиям. — Ведь так, парни?

— Нихрена мы не понимаем! — отозвались они хором. Лео даже сделал шаг назад и упёрся спиной в дверной косяк.

— Вот-вот, — Айрин скрестила руки на груди. — Объясните нам, что мы делаем. А то вдруг вы за шестьсот с небольшим лет сна с ума сошли.

— Не сошёл. — Харвей вдруг замолчал, провёл ладонью по лицу, словно стирал с него пыль. — Но мог бы. Если у нас ничего не получится — всё насмарку. История так и останется непознанной. — Он вздохнул, потом вдруг опустился на колени, прямо на холодный пластик пола, и сложил руки, как нищий. — Ну пожалуйста, миленькие мои. Я всё понимаю: вас затянуло сюда по воле злого рока. Но умоляю, помогите мне. Мне одному не управиться.

Он выглядел безумцем. Настоящим безумцем. В лице, в жестах, в дрожащих пальцах, сцепленных в замок.

— Мы ничего не будем делать, — Айрин шагнула к нему, нависла сверху, и голос её стал твёрже, — пока вы не скажете хотя бы, что это вообще такое — континуальность, которую исследуют эти зонды. И что мы вообще делаем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.